

№ 213 ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИ

PARIS, MERCREDI 8 FEVRIER 1950

TROISIEME ANNEE

Prix: 25 frs

РУССКАЯ МЫСЛЬ

REDACTEUR EN CHEF:

Vladimir Lazarevski

DIRECTEUR RESPONSABLE:

Christian Brunet

ADMINISTRATEUR: V. POLIANSKY

LA PENSÉE RUSSE

VI-HEBDOMADAIRE

Выходит по средам и пятницам

РЕДАКТОР:

В. А. Лазаревский

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*С. А. Водов, В. Ф. Зеелер,
В. В. Полянский.*

Редакция и Контора: «La Pensée Russe», 26, rue de Montholon, PARIS (9),
Métro: Cadet. В экстренных случаях звонить в типографию: GOB 84-97.

СРЕДА, 8 ФЕВРАЛЯ 1950

Прием по делам Редакции и Конторы ежедневно от 11-ти до 13-ти и от 16-ти до 18-ти часов. По субботам только до 13-ти часов.

328 1-й и 2-й 52 ном. — 1.050 фр. ДЛЯ ЗА-ГРАНИЦЫ: на 26 ном. — 750 фр.; на 52 ном. — 1.350 фр. «La Pensée Russe», C. O. P. 5883-44. PARIS.

ПАВЕЛ ЕГОРОВИЧ ЧЕХОВ

ОТЕЦ ПИСАТЕЛЯ

ВЫШЛА вторым изданием, в издательствѣ "Молодая Гвардія", книга совѣтскаго критика В. Ермилова о Чеховѣ. Издана она тщательно и написана старательно; в ней Ермилов пытается не только рассказать о жизни писателя, но и анализировать его произведенія. К сожалѣнію, метод его уж слишком прост: он берет какой-нибудь рассказ Чехова и перелагает его собственными словами, обильно снабжая цитатами, послѣ чего дѣлает вывод о "созвучности" творчества Чехова с нашим временем. Без ущерба для книги в цѣлом, такіе "анализы" можно, конечно, легко и не читать.

Но читая Ермилова и вспоминая переписку Чехова с братом (которую Ермилов использовал мало), а также записи Чехова в разные времена жизни о его дѣтствѣ и юности, о жизни с родителями, о характерѣ его отца, образ этого послѣдняго припоминается, как один из курьезов тогдашней русской жизни. Павел Егорович Чехов был фигурой юмористической, хотя и бывал по временам совершенно несносен, доводя до слез собственную жену и дѣтей.

Он был торговцем и происходил из крѣпостных. Его отец, Егор Михайлович, был мужиком помѣщиков Чертковых — дѣда и бабушки известнаго послѣдователя Толстого. Егор Михайлович задолго до освобожденія

крестьян выкупился от своего барина и выкупил жену, а на дочь у него не хватило денег. Помѣщик Чертков отдал ее ему в приданое даром, и таким образом семья стала свободной.

В "Ольховаткѣ", имѣніи Чертковых, Воронежской губерніи, Егора Михайловича еще звали "Чех", но в Таганрогѣ, куда переѣхала семья и гдѣ Егор Михайлович поступил в управляющіе к графу Платову, он слѣдился Чеховым. Сына своего, Павла, он отдал в ученіе к таганрогскому купцу Байдакову, а когда он вошел в возраст — помог ему открыть уже самостоятельно колоніальный магазин.

Павел Егорович был записан в купеческое сословіе. Он женился, у него пошли дѣти. В лавкѣ было уже два приказчика. Однако, характер его оказался несчастливим: больше, чѣм к коммерціи, он был привержен к церковному пѣнію. Не то лѣнь его, не то легкомысліе не дали ему создать благополучіе семьи. Однажды, когда лавку описали за долги, семья Павла Егоровича — он сам, жена его, четыре сына и дочь — выѣхали слѣшком в Москву, без гроша денег. Пятый сын, Антон Павлович, остался в Таганрогѣ, один — доучиваться в гимназіи. Его по просту "забыли".

О московской жизни Павла Егоровича в подробностях писал стар-

шій брат забытому Антону в Таганрог:

"Наши дѣла весьма плохи, ибо мы неповоротливы. Свои деньги мы все прожили, заняли 10 рублей и тѣ просадили, и теперь плачем. Что хуже всего — потеряли всякую надежду получить мѣсто. Ходим каждый день в церковь и непременно, как экс-коммерческій человек, в биржу, и слушаем толки о сербской войнѣ, и по обыкновенію приходим домой ни с чѣм, за что нас встрѣчают со слезами благодарности, послѣ чего мы разоблачаемся, вынимаем из кармана печатное поученіе, купленное в церкви у церковнаго старосты, и начинаем читать вслух. По окончаніи чтенія, проповѣдь вѣшается на гвоздик, с обозначеніем на ней номера и числа".

Он расклеивал расписанія дня для всех членов семьи, взрослых и маленьких, требуя, чтобы все подчинялось ему: "Расписаніе дѣлов и домашних обязанностей для выполненія по хозяйству семейства Павла Чехова, живущаго в Москвѣ". В этом расписаніи говорилось, когда кому вставать, когда обѣдать, когда ходить в церковь и какими дѣлами заниматься в свободное время. К расписанію бывало приложено и примѣчаніе: "Неисполняющіе сіе расписаніе подвергаются сначала строгому выговору, а затѣм наказанію, при коем кричать воспрещается". От жены Евгеніи Яковлевны, до маленькаго Миши, все его слушались.

Из нищеты вывели семью три старших брата. Антон Павлович появился в Москвѣ, когда окончил

гимназію и поступил в университет. Александр Павлович в это время уже завязал кое-какія связи в "Будильникѣ" и других юмористических журналах, там же сотрудничал и Николай. Все трое впряглись в работу, чтобы дать возможность жить отцу и матери, чтобы дать возможность кончить образованіе трем младшим дѣтям. Павел Егорович из тирана и ханжи превратился в старика, обиженнаго жизнью. Он стал подозрѣвать, что дѣти его обманывают, не довольно любят и мало уважают.

Время от времени он устраивал одному из старших сыновей сцену: плакал, увѣрял, что "все давно понял", умолял "выйти на честную дорогу" и не водиться с дурными людьми. "Фатер", как звали его братья за глаза, докучал им сильно, но постепенно превращаясь во взрослых людей, все трое начинали проникаться к нему жалостью. Его жадность и лѣнь их стали веселить. "Кромѣ денег нужны еще и финансы", — говорил Павел Егорович, и они несли его афоризм в "Будильник".

Он любил лук в супѣ и, прежде чѣм обносили гостей миской, он вылавливал из нея луковицы. Было что-то дѣтское в том, как он любил путешествовать по желѣзной дорогѣ. Самый лучший, самый сладкій кусок должен был всегда доставаться ему. "Пусть снятся ему балыки и маслины!" — писал Александр Антону в письмѣ, когда оба жили уже разное и отец гостил то у одного, то у другого, донимая их наставленіями, а они только добродушно посмѣ-

ивались, да старались оградить мать от отцовскаго деспотизма. Естественно, что когда Антон стал "самым богатым" (его так и называли в шутку "богатый брат"), то отец скончательно переѣхал к нему.

Живя в имѣніи сына (в Мелиховѣ, под Москвой, передѣланном нынѣ в музей), за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, числясь уже окончательно "на покой", Павел Егорович начал вести дневник. Вот образчик этого произведенія:

2 іюня. Клара Ивановна пріѣхала.

3 іюня. Клара Ивановна уѣхала.

4 іюня. Сколь тягостен труд земледѣльца!

5 іюня. Піона расцвѣлась (!).

6 іюня. Елки перед окнами Антоши срублены".

Все эти забавныя мелочи Ермилов не использовал. Он предпочел говорить о Павлѣ Егоровичѣ, как о "мѣщанинѣ из крѣпостных", как о "представителѣ мелкой городской буржуазіи". Он оставляет открытым вопрос: каким образом крѣпостные могли выкупаться от помѣщиков и даже выкупать семью? Он искренно удивляется, на каком основаніи помѣщик Чертков "отдал даром" дочку в приданое? Но портрет Павла Егоровича, приложенный к книгѣ, очень хорош: на нем изображен в полном смыслѣ слова Платон Каратаев: окладистая борода, серьезные, умные глаза, спокойныя, красивыя руки, благолѣпіе во всем обликѣ... Как обманчива бывает фотографія!

Н. Беберова.